

От писателей —
книги.
От художников —
картины.
От режиссеров
и актеров —
фильмы. Что
остается нам
от театральных
режиссеров?
Даже великих?
Остается
легенда.
Это немало.
Остается
пример.
Остается
направление
пути: теория,
которая иногда
с таким трудом
воплощается
в жизнь нами,
сегодняшними.
Потому что
она — теория
эта —
современней
современности...

А. Я. Таиров. Так начиналась легенда.

В декабре 1914 года спешащие по Тверскому бульвару люди останавливались у знакомого невысокого особняка перед афишей с названием нового театра. «Камерный театр?.. Таиров? Коонен?» — читали они эти, почти незнакомые имена. Прошло 75 лет со дня первой премьеры Камерного театра и 40 лет после его гибели, нынешние прохожие идут по Тверскому бульвару мимо театра им. А. С. Пушкина, на фасаде которого «проступило» прежнее имя этого дома, они опять в недоумении: «Камерный театр? Таиров? Коонен?»

Трагично? Да. Удивительно? Вряд ли... После закрытия театра в 1949 году в ходе печально знаменитой «кампании по борьбе...» все упоминания о Камерном театре и его создателе Александре Яковлевиче Таирове на долгие годы пропали с книжных и газетных страниц.

21 мая 1949 года газета «Советское искусство», чья редакционная статья поставила последнюю точку в приговоре театру, писала: «Еще имеют место отдельные случаи проявления эстетства, формализма, низкопоклонства перед Западом. Примером может служить тот творческий тупик, в котором оказался Московский Камерный театр в результате эстетических, формалистических, космополитических взглядов его руководителя А. Я. Таирова». Вскоре вышло постановление Комитета по делам искусств, подписанное Сталиным, прозорливо отметившим, что «Камерный театр есть действительно буржуазный театр», в нем предписывалось провести «реорганизацию» Камерного театра. К. Е. Ворошилов, глава Комиссии по реорганизации — видимо, лучшего знатока театра на всей Руси в ту пору не нашлось, — энергично взялся за дело: основатель и бессменный руководитель театра А. Я. Таиров был уволен, здание перестроено, театр переименован, так как «название Камерный театр, — читаем в протоколах комиссии, — соответствовавшее формальной сущности старого театра, не может выражать существо подлинного реалистического искусства и вызывает недоумение советского зрителя». Новый театр, названный именем А. С. Пушкина, открылся премьерой спектакля «Из искры», посвященного первым годам революционной деятельности товарища И. В. Сталина.

Это страшные уроки прошлого, о которых нужно помнить. Но их еще нужно и понимать. Ворошилов и ему подобные, не вдумываясь в суть слов, клеймили. Мы — также не вдумываясь в суть — порой кричим, что это все, сказанное тогда, неправда, что все определения той поры лживы. Однако в отношении А. Я. Таирова это была правда. В отношении его творчества определения «эстет», «формалист» были верны, но верны с точки зрения их истинного, не запятнанного политическими манипуляциями смысла. Более того, даже страшное слово «космополит» — если расшифровывать его как «гражданин мира» — вполне подходит к Таирову.

«Эстет», — читаем в словаре, — от греческого «чувствующий», поклонник искусства, ценитель изящного». На-

верное, способность тонко чувствовать, стремление к гармонии — грехи, простительные для режиссера, можете подумать вы. Критики думали иначе. Один из них писал: «...как и все буржуазные теоретики искусства, А. Таиров, исходя из их установки, сформулированной в пушкинском стихе «тымы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», сознательно отгородил себя от жизни и отправился в длительное путешествие в бескрайние просторы человеческого «духа», все более удаляясь от ненавистных ему «серых будней». Скажите, вы сегодня хотели бы увидеть спектакль, уводящий вас в бескрайние просторы человеческого духа, «причудливые, математически рассчитанные ритмы вольной театральной игры, расцвеченной необыкновенной выдумкой». Не таких ли спектаклей мы ждем сегодня?

«Эстетство и формализм» — таково было устойчивое словосочетание многочисленных рецензий-приговоров таировским спектаклям, эти качества следовало «безжалостно искоренять, чтобы пойти по пути идеального перерождения». Но Таиров был не просто формалистом, он был великим формалистом, ибо только таким и может быть создатель нового театра. Сейчас убеждение Таирова, высказанное 70 лет назад в том, что «новая форма есть обязательное и необходимое условие создания нового театра», кажется очень современным, и его нелегко напомнить всем тем, кто считает главной проблемой в создании нового театра помещение... Космополитизм Таирова был усмотрен прежде всего в репертуаре руководимого им театра, на сцене которого шли Скриб и Кальдерон, О. Уайльд, Б. Шоу, для нас — классики мировой драматургии, тогда — «выразители враждебно чуждых тенденций в искусстве». Припомнили даже колоссальный успех гастролей Камерного театра по Европе и Южной Америке в 20-е годы — дескать, настолько буржуазны, что вот буржуям и понравились, хотя Таиров для Европы стал символом именно нового искусства революционной России. Как подрыв основ патриотизма и пример низкопоклонства перед Западом было расценено и то, что именно А. Таиров впервые вывел на советскую сцену драматургию Б. Брехта и Ю. О. Нила.

Но оставим в стороне казенщину протоколов и постановлений, назовем вещи своими именами — Таиров прожил жизнь для своего народа, для своих зрителей, дав им возможность приобщиться к мировой культуре, категориями которой он мыслил, не деля ее на «нашу» и «не нашу», на идеологически верную и порочную. И, как знать, если бы дело его не было погублено и затоптано, может быть, и мы бы сегодня не столь неуклюже догоняли ушедший поезд. Работал Таиров одержимо, стремясь схватить не только суть происходящего, но и добиться броска в будущее. Были опыты удачные и неудачные, он искал, увлекался и ошибался, каждый спектакль вызывал споры, и все же это было движение к вершине — от пер-

вых работ, «Сакунталы», «Саломеи», «Адриенны Лекуверр», к торжеству режиссерской идеи Таирова в великих «Федре» и «Оптимистической трагедии».

В пьесе Вс. Вишневского, приуроченной к годовщине создания Красной Армии и рассказывавшей историю рождения полка, Таиров увидел «трагическое шествие к смерти... Трагедию оптимистическую, потому что смерть не является завершением всего круга явлений. Явления и события, доходя до своей предельной точки, опрокидывают смерть и утверждают жизнь, ее силу». Это был спектакль о революции, как ее понимал Таиров, — романтическая трагедия современности, «Оптимистическая трагедия».

Шел 1934 год. Свой 20-летний юбилей Камерный театр отпраздновал широко и пышно, пожиная свежие лавры «Оптимистической трагедии», на время заслонившей «прошлые ошибки», но затишье оказалось недолгим. В 1935 году Таиров начал работать над комической оперой А. Бородина «Богатыри», что было вполне закономерно после таких музыкальных спектаклей, как «Жирфле-Жирофля» Леока, «Опера нищих» Б. Брехта, больше напоминавших не оперетту, а то, что мы сейчас называем мюзиклом, — тоже ведь открытие для будущего. Костюмы и декорации делал мастер из Палеха П. Баженов, за переработку текста взялся Демьян Бедный. Все обещало спектакль яркий и задиристый, как русская частушка, уж очень незадачливы были богатыри Чудила, Тыря, Авоська с Небоской и сам отец народа князь Владимир — им под стать. Через несколько дней после премьеры пошли первые отклики, на удивление единодушные: «Фальсификация народной истории», «Театр, чуждый народу», «Камерный театр надо перестроить». Это стало началом травли, которая, то утихая, то возобновляясь с новой силой, сопровождала Таирова все оставшиеся годы. Тон задавало постановление и специальное совещание Комитета по делам искусств: «Заявляя, что «Богатыри» это народная комическая опера, опирающаяся на народное искусство и высмеивающая лженародность в искусстве», Таиров то ли недооценил, то ли недоумал, что происходит сейчас. Поведение Таирова можно сопоставить с поведением Мейерхольда, который разыгрывает роль такого же простачка. Он как будто не понимает, что происходит, и в то же время обдуманно ведет линию против партии и правительства в перестройке искусства». На этом же заседании была дана оценка и всему советскому репертуару театра: «В 1927 году Таиров, прикрываясь рекламной декларацией о спектакле к 10-летию Октября, ставит троцкистскую пьесу «Заговор равных», в которой повторяется троцкистская клевета о перерождении нашей партии. В 1928 году он преподносит под личиной сатиры на искажение форм и методов культурной революции «Баровый остров» М. Булгакова — пасквиль на диктатуру пролетариата. В 1931 году троцкисты усиливают при помощи интервентов свою шпионскую диверсионную работу. Таиров в этот момент ставит пьесу впоследствии разоблаченного украинского контрреволюционера М. Кулиша «Патетическая соната»... Все эти вылазки не случайны, они систематичны. Камерный театр — слово опозоренное».

В качестве «оздоровительной меры» приказом Комитета по делам искусств Камерный театр соединяют с Реалистическим театром Охлопкова. Привычно утверждение — «художник должен идти в ногу со временем». Пример Таирова — напоминание о том, что не со всяким временем надо идти в ногу... С 1937 года Таиров, формально оставаясь режиссером «объединенного» театра, не поставил ни одного спектакля, он молчал. Впервые на сцену Камерного театра хлынул поток безликих пьес-однодневок, герои которых наперебой разоблачали то шпионов, то вредителей. Таиров еще успеет поставить «Мадам Бовари», а в годы войны «Чайку» и «Без вины виноватые», «Фронт» и «Раскинулось море широко».

После постановления ЦК ВКП(б) 1946 года «О репертуаре театров и мерах по его улучшению», фактически запрещавшего зарубежную драматургию, составлявшую значительную часть репертуара Камерного театра, работать стало еще труднее. Он не мог и не хотел верить, что конец театра уже близок, были надежды и планы: одной из последних пьес, принятых Таировым к постановке, была работа молодого драматурга Александра Галича «Начало пути»... 26 мая 1949 года занавес Камерного театра опустился навсегда. Таиров ненадолго пережил свой театр, его не стало в 1950-м. Имя Таирова вновь возникло на театральном горизонте лишь спустя двадцать лет: вышла в свет книга «Записки режиссера», появились первые после закрытия театра исследования его творчества. Еще около двадцати лет понадобилось, чтобы пришло время для рассказа о последних днях существования театра. И вот наконец можно говорить о том, что Таиров, его театр возвращаются, занимают принадлежащее им по праву место в истории.

Сцена должна говорить своим, театральным языком, она обязывает к правде, но не сводит ее к плоской злободневности. Эту идею завещал нам Таиров. И принимая ее по сути, мы почему-то никак не можем ее реализовать в конкретные дела. Этой идее Таиров оставался верен всю жизнь, намного опережая свое время, а может быть, и наше.

Елена Токарева.